

Стивен Кинг

Перекурщики

*Часть сборника
Сезон дождя (сборник)*

Стивен Кинг
Перекурщики

«Автор»

«АСТ»

1993

Кинг С.

Перекурщики / С. Кинг — «Автор», «АСТ», 1993

«Пирсон попытался закричать, но шок лишил его дара речи, и из горла вырвался лишь сдавленный хрип – так иной раз стонут во сне. Он набрал полную грудь воздуха, чтобы предпринять вторую попытку, но чьи-то пальцы, как железные щипцы, сжали его левую руку повыше локтя...»

© Кинг С., 1993

© Автор, 1993

© АСТ, 1993

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Стивен Кинг

Перекурщики

1

1

Пирсон попытался закричать, но шок лишил его дара речи, и из горла вырвался лишь сдавленный хрип – так иной раз стонут во сне. Он набрал полную грудь воздуха, чтобы предпринять вторую попытку, но чьи-то пальцы, как железные щипцы, сжали его левую руку повыше локтя.

– Это будет ошибкой, – послышался настойчивый голос у левого уха. Не голос – шепот. – Серьезной ошибкой. Можете мне поверить.

Пирсон обернулся. Существо, которое вызвало желание, нет, потребность, закричать, уже исчезло в банке, как это ни странно, никем не замеченное, и Пирсон смог обернуться. За руку его держал симпатичный молодой негр в кремовом костюме. Пирсон не был с ним знаком, но узнал, как узнал бы и любого другого представителя странного маленького племени, которое он называл перекурщиками (все они собирались у здания банка дважды в день, в десять утра и в три пополудни)... он полагал, что остальные точно так же узнавали и его.

Симпатичный молодой негр пристально смотрел на него.

– Вы видели? – спросил Пирсон. Нервным, визгливым фальцетом, столь непохожим на его обычно размеренную речь.

Симпатичный молодой негр отпустил руку Пирсона, как только убедился, что тот не собирается оглашать дикими криками площадь перед Первым торговым банком Бостона. Пирсон тут же схватил молодого негра за запястье. Будто не мог жить, не ощущая живого тепла другого человека. Симпатичный молодой негр не возражал. Разве что посмотрел на руку Пирсона, прежде чем вновь встретиться с ним взглядом.

– Вы видели? – повторил Пирсон. – Ужасно! Даже если это грим... или маска, которую кто-то нацепил ради шутки...

Но, конечно же, такое объяснение, как грим или маска, не выдерживало критики. Существо в темно-сером костюме от Андре Сира и туфлях за пятьсот долларов прошло совсем рядом, так близко, что Пирсон мог бы к нему прикоснуться (*не дай Бог*, мгновенно отреагировал его мозг, а по телу пробежала дрожь), и он знал, ни о гриме, ни о маске не могло быть и речи. Потому что кожа на громадном выступе, который, как полагал Пирсон, заменял чудовищу голову, пребывала в постоянном движении, различные части выступа двигались в разных направлениях, как кольца экзотических газов, вращающиеся вокруг гигантской планеты.

– Дружище, – начал симпатичный молодой негр в кремовом костюме, – вам надо...

– Что это было? – оборвал его Пирсон. – Я никогда не видел ничего подобного. Такое можно увидеть только... только в фильме ужасов... или... или...

Голос исходил не из привычного места в голове. Его источник теперь располагался где-то в вышине, будто он сам провалился в глубокую расселину, а голос, неприятный, пронзительный, принадлежал кому-то еще, человеку или некоему существу, расположившемуся над ним.

– Послушайте, друг мой...

Если бы все ограничилось только голосом. Несколько минут назад, когда Пирсон вышел через вращающуюся дверь с «Мальборо» в руке, он отметил, что день очень мрачный, похоже, собирается дождь. А теперь все стало не просто ярким, а суперярким. Красная юбка миловид-

¹ The Ten O'Clock People. © Перевод. Вебер В.А., 2000.

ной блондинки, которая стояла футах в пятидесяти от двери (она курила и читала книгу), слепила глаза, как только что вымытая пожарная машина. Желтая рубашка проходящего мимо курьера превратилась во второе солнце. Лица людей обрели небывалую четкость, стали такими же, как на картинках в детских книжках, которые любила читать его ненаглядная Дженни.

И его губы... он не чувствовал губ. Они онемели, как случилось после укола новокаина.

– Глупо, конечно, – признался Пирсон симпатичному молодому негру, – но я сейчас грохнусь в обморок.

– Нет, не грохнетесь. – Безапелляционность тона заставила Пирсона в это поверить, хотя бы временно. А пальцы симпатичного молодого негра вновь ухватили его за руку, пусть и не так крепко. – Пойдемте сюда... вам надо сесть.

Широкую площадь перед банком украшали мраморные островки высотой три фута, на каждом из которых высаживали цветы. Бордюры этих клумб и облюбовали перекурщики. Кто-то читал, кто-то разговаривал, кто-то просто разглядывал бесконечный поток пешеходов на Торговой улице, но параллельно все они занимались одним делом, которое объединяло их, ради которого Пирсон спускался вниз и выходил под открытое небо. На мраморном островке, ближайшем к Пирсону и его новому знакомому, росли астры, и их пурпур буквально бил по глазам. Бордюр пустовал, возможно, потому, что часы уже показывали десять минут четвертого, и народ потянулся к рабочим местам.

– Присядьте. – Молодой негр в кремовом костюме указал на бордюр. Пирсон попытался сесть, но, скорее, рухнул на мрамор. То есть только что он стоял у красновато-коричневого бордюра, а потом колени у него подогнулись и он плюхнулся задницей на холодный камень. Приложился так, что боль стрельнула в позвоночник.

– Согнитесь, – скомандовал молодой человек, устроившись рядом. Лицо его оставалось доброжелательным, а вот глаза тревожно шныряли по площади.

– Зачем?

– Чтобы кровь прилила к голове, – ответил молодой негр. – Но сделайте вид, что сгибаетесь не для этого. Прикиньтесь, что нюхаете цветы.

– Прикидываться для кого?

– Делайте, что вам говорят. – В голосе послышались нетерпеливые нотки.

Пирсон согнулся, глубоко вдохнул. Выглядели цветы хорошо, а вот пахли, как он выяснил, не очень, собачьей мочой. Однако в голове у него начало проясняться.

– Начните перечислять штаты, – приказал молодой негр. Он положил ногу на ногу, поправил брючину, чтобы не мять стрелку, достал из внутреннего кармана пачку «Уинстона». Только тут Пирсон понял, что его сигарета куда-то подевалась. Должно быть, он выронил ее в тот самый момент, когда увидел, как чудовище в дорогом темно-сером костюме пересекало площадь.

– Штаты, – тупо повторил он.

Молодой негр кивнул, достал зажигалку, которая на первый взгляд выглядела гораздо дороже той цены, которую он за нее заплатил, закурил.

– Выберите любой и двигайтесь на запад.

– Массачусетс... Нью-Йорк... а может, Вермонт... смотря откуда смотреть... Нью-Джерси. – Он распрямился, уверенности в голосе прибавилось. – Пенсильвания, Западная Вирджиния, Огайо, Иллинойс...

Молодой негр изогнул бровь:

– Значит, Западная Вирджиния? Вы уверены?

Пирсону даже удалось улыбнуться.

– Да, конечно. Правда, я мог поменять местами Огайо и Иллинойс.

Негр пожал плечами, показывая, что не так это и важно, тоже улыбнулся.

– Зато вы больше не собираетесь падать в обморок, я вижу, что не собираетесь, а это главное. Хотите покурить?

– Спасибо, – с благодарностью ответил Пирсон. Он не просто хотел покурить, чувствовал, что умрет, если не покурит. – Я спустился вниз с сигаретой, но где-то потерял ее. Как вас зовут?

Негр сунул Пирсону в рот сигарету, чиркнул зажигалкой.

– Дадли Ринеманн. Можете звать меня Дьюк.

Пирсон глубоко затянулся, посмотрел на вращающуюся дверь, уводящую в глубины Первого торгового банка.

– Это не галлюцинация? Вы видели то же, что я, так?

Ринеманн кивнул.

– Вы не хотели, чтобы он понял, что я увидел его, – говорил Пирсон медленно, словно учился заново составлять из слов фразы. Но зато своим обычным голосом. Это радовало.

Ринеманн вновь кивнул.

– Но как я мог не увидеть его? И откуда он мог знать, что я его не вижу?

– А вы заметили на площади хоть одного человека, с которым, как с вами, чуть не случилась истерика? – спросил Ринеманн. – У кого-нибудь глаза лезли на лоб, как у вас? У меня, например?

Пирсон покачал головой. Он не испугался – пребывал в полном замешательстве.

– Я встал между ним и вами и не думаю, что он вас заметил, но чувствую, что успел в последнюю секунду. Выглядели вы как человек, увидевший мышь, которая выползла из его куска мясного рулета. Вы работаете в кредитном отделе, не так ли?

– О да... Брендон Пирсон. Извините.

– А я – в компьютерном обеспечении. И не волнуйтесь. Первая встреча с бэтменом – всегда потрясение.

Дьюк Ринеманн протянул руку, Пирсон ее пожал, но думал он о другом. *Первая встреча с бэтменом – всегда потрясение.* Пирсон попытался вызвать из памяти образ страшилища и понял, что название во многом ему соответствует. Открыл он для себя и еще одну истину, а может, не открыл, а просто вспомнил вновь: если дать имя, прозвище, название тому, что пугает тебя, сразу становится легче. Конечно же, полностью испуг не прошел, но уже не сводил с ума.

И теперь, возвращаясь к увиденному, он думал: *«Бэтмен, то был мой первый бэтмен».*

Он выходил из вращающейся двери с одной мыслью, той самой, которая посещала его в десять утра каждый рабочий день: как же это приятно, когда первая порция никотина впрыскивается в мозг. Глоток никотина в десять утра свидетельствовал о его принадлежности к племени, как какой-нибудь амулет или татуировка на щеках.

Выйдя за дверь, Пирсон отметил, что на улице стало темнее, чем в восемь сорок пять, когда он входил в здание Первого торгового банка, и подумал: «Во второй половине дня нам всем придется попыхивать раковыми палочками под проливным дождем». Но дождь, разумеется, не смог бы их остановить. Перекурщиков отличали воля и характер.

Он помнил, как оглядел площадь, автоматически, не задумываясь над тем, что делает. Увидел девушку в красной юбке (как всегда задался вопросом, хороши ли в постели те, кто так эффектно выглядит), молодого длинноволосого уборщика с третьего этажа, который носил бейсболку козырьком назад, когда мыл пол в туалете и баре-закусочной, пожилого мужчину с великолепной седой шевелюрой и лиловыми прожилками на щеках, молодую женщину в очках с толстыми линзами и прямыми черными волосами. Узнал и остальных, благо видел их на площади каждый день по два раза. В том числе, естественно, и симпатичного молодого негра в кремовом костюме.

Если бы Тимми Фландерс вышел на перекур, Пирсон, конечно же, подошел бы к нему, но Фландерса не было, поэтому Пирсон двинулся к центру площади, намереваясь устроиться на одном из мраморных островков (собственно, том самом, на котором он сейчас и сидел). Эта позиция позволяла всесторонне оценить и длину ног, и округлости девушки в красной юбке. Пусячок, конечно, но приятный. Он любил жену, обожал дочь, даже близко не подходил к тому, чтобы завести с кем-нибудь роман, но до сорока оставалось совсем ничего, и он начал открывать в себе много интересного. С другой стороны, он не мог понять мужчину, который смотрел на такую красную юбку и не задавался вопросом, а какого цвета под ней белье.

Но не успел сделать пары шагов, как кто-то обогнул угол здания и по плитам площади двинулся к вращающейся двери. Пирсон уловил это движение уголком глаза, и при обычных обстоятельствах на том бы и успокоился, поскольку главным образом его занимала красная юбка и та часть тела, которую она облегалла. Но на этот раз он повернул голову, потому что даже боковым зрением уловил что-то необычное в лице и голове приближающейся фигуры. Повернул голову, посмотрел и лишился сна бог знает на сколько ночей.

Туфли особых эмоций не вызвали, темно-серый костюм от Андре Сира, выглядевший как добротная дверь банковского сейфа, а то и лучше, тоже. Красный галстук выглядел несколько вызывающе, но в рамках дозволенного. В общем, обычный наряд высшего банковского чиновника, следующего к своему рабочему месту в понедельник утром (а кто еще, кроме руководства банка, мог позволить себе появиться на работе в десять утра?). И лишь когда в поле зрения попала голова, Пирсон понял, что он или сошел с ума, или видит что-то такое, чего не найти на страницах «Всемирной энциклопедии».

Но почему никто не побежал? – гадал Пирсон, когда первая капля дождя упала на тыльную сторону его ладони, а вторая – на белую бумагу недокуренной сигареты. *Все должны были разбежаться с громкими криками, в фильмах ужаса пятидесятих годов люди разбежались от гигантских жуков.* Тут же пришла другая мысль: *Но тогда... я ведь тоже не побежал.*

Чистая правда, но не вся. Он не побежал, потому что ослепел. Он пытался закричать, и его новый друг удержал его от крика аккурат перед тем, как он вновь обрел контроль за голосовыми связками.

Бэтмен. Мой первый бэтмен.

Над широкими плечами самого модного в этом году делового костюма и узлом красного галстука возвышалась огромная серовато-коричневая голова, не круглая, скорее, бесформенная, похожая на бейсбольный мяч, по которому целый сезон дубасили битой. Черные полосы, наверное, вены, пульсируя, извивались под кожей. Та часть головы, которую у человека занимало лицо, таковым не было (разумеется, по человеческим меркам), – она бугрилась какими-то наростами, которые постоянно дрожали и дергались, словно жили своей, отличной от всего остального жизнью. А вот знакомые черты сгрудились и лишь отдаленно напоминали человеческие. Плоские черные глаза, идеально круглые, смотрели из самой середины, словно глаза акулы и какого-то расплющенного насекомого. Уши лишились и мочек, и раковин. Носа, как представлял себе нос Пирсон, не было вовсе, хотя имелись два бивнеобразных выступа, торчащих из поросли блестящих волос чуть пониже глаз. А большую часть лица существа занимал рот – огромный черный полумесяц, обрамленный треугольными зубами. Для существа с таким ртом, позже подумал Пирсон, прием пищи наверняка возведен в ранг священнодействия.

Это Человек-слон, такая мысль сверкнула у него в голове, когда он впервые разглядел это чудовище, чудовище, несущее в холеной руке дорогой кожаный брífкейс от Болли. Но теперь-то он понимал, что тварь не имела ничего общего с уродом из старого фильма, уродом, но тем не менее человеком. Дьюк Ринеманн нашел несравненно более точное сравнение: эти черные глазки, этот большущий рот, конечно же, вызывал ассоциации с волосатыми, попискивающими существами, которые ночами гонялись за мухами, а дни проводили в темных местах, повиснув вниз головой.

Но причина, побуждавшая его закричать, заключалась не в этом. Потребность эта возникла уже после того, как существо в костюме от Андре Сира прошло мимо, уставившись яркими, круглыми глазками на вращающуюся дверь. И когда оно находилось совсем рядом, на секунду-другую, Пирсон увидел, как под густыми грубыми волосами движется лицо, на котором они росли. Как такое могло быть, он не знал, но видел это своими глазами, видел, как кожа перемещается относительно щетины. А в зазоре между ними заметил какую-то розовую субстанцию, о которой не хотелось и думать... однако теперь, когда он это вспомнил, он просто не мог думать ни о чем другом.

Новые капли дождя падали на его лицо и руки. Ринеманн, сидевший рядом на мраморном бордюре, последний раз затянулся, отбросил окуроч, встал.

– Пойдемте. Начинается дождь.

Пирсон глянул на него широко раскрытыми глазами, потом посмотрел на банк. Блондинка в красной юбке, с книгой под мышкой, как раз входила во вращающуюся дверь. За ней следовал (и разглядывал ее во все глаза) старичок с роскошной седой шевелюрой.

Пирсон вновь перевел взгляд на Ринеманна:

– Идти в банк? Вы серьезно? Эта *тварь* вошла туда!

– Я знаю.

– Хотите услышать полный бред? – Пирсон отбросил сигарету. Он не мог сказать, куда он сейчас пойдет, домой или куда-то еще, но точно знал одно место, куда не ступит его нога: он ни при каких обстоятельствах не собирался входить в здание Первого торгового банка Бостона.

– Конечно, – кивнул Ринеманн. – Почему нет?

– Эта тварь очень напоминала нашего уважаемого управляющего, Дугласа Кифера... если, конечно, не смотреть на голову. Те же предпочтения в костюмах и брифкейсах.

– Как вы меня удивили, – усмехнулся Дьюк Ринеманн.

Пирсон всмотрелся в молодого негра.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я думал, вы уже поняли, но, видать, шок был слишком силен, поэтому придется вам все разжевать. Это и *был* Кифер.

Пирсон неуверенно улыбнулся. Лицо Ринеманна осталось серьезным. Он встал, схватил Пирсона под локти, потянул на себя, пока их лица не разделяли несколько дюймов.

– Только я спас вашу жизнь. Вы в это верите, мистер Пирсон?

Пирсон обдумал вопрос и понял, что да, верит. Перед его мысленным взором мелькнуло это жуткое лицо, действительно похожее на увеличенную мордочку летучей мыши, с черными глазками и огромной зубастой пастью.

– Да, полагаю, что да.

– Хорошо. Тогда выслушайте внимательно то, что я вам сейчас скажу. Готовы?

– Да... конечно.

– Первое: это был Дуглас Кифер, управляющий Первым торговым банком Бостона, близкий друг мэра и, так уж вышло, почетный председатель фонда, собирающего средства для Бостонской городской больницы. Второе: в банке работают по меньшей мере еще три бэтмена, один – на вашем этаже. И третье: вы должны вернуться на работу. Разумеется, если хотите жить.

Пирсон молча таращился на него. Ответить не мог, если бы попытался, с губ сорвалось бы что-то нечленораздельное.

Ринеманн взял его под руку и увлек к вращающейся двери.

– Пошли, дружище. – Голос звучал предельно доброжелательно. – Дождь-то сильный. Если останемся здесь, то привлечем к себе внимание. А мы такого себе позволить не можем.

Пирсон поначалу шел в ногу с Ринеманном, затем ему вдруг вспомнилось переплетение черных линий, которые пульсировали на голове существа, и остановился как вкопанный перед

самой дверью. Гладкая поверхность площади уже достаточно намочла, чтобы превратиться в зеркало, в котором у него под ногами появился еще один Пирсон, правда, другого цвета, повисший на его каблуках, как летучая мышь.

– Я... я не смогу, – заикаясь, выдавил он из себя.

– Можете. – Ринеманн взглянул на левую руку Пирсона. – Я вижу, вы женаты... есть дети?

– Один ребенок. Дочь. – Пирсон всматривался в холл. Тонированные стекла двери погружали его в темноту. *Как пещера*, подумал он. *Пещера, кишмящая летучими мышами.*

– Вы хотите, чтобы ваши жена и дочь прочли в завтрашней газете сообщение о том, что копы выловили из Бостонской бухты их папочку с перерезанным горлом?

Пирсон опять вытаращился на Ринеманна. Капли дождя падали на его лоб, щеки.

– Они все обставляют так, будто это дело рук наркоманов. И у них получается. Всегда получается. Потому что они умны и у них много друзей во властных структурах. Черт, да они так и лезут во власть.

– Я вас не понимаю. Я вас совершенно не понимаю.

– Знаю, что не понимаете, – ответил Ринеманн. – Ваша жизнь сейчас висит на волоске, поэтому делайте то, что я вам говорю. А говорю я следующее: возвращайтесь за свой стол до того, как вас начнут разыскивать, и остаток дня проведите с улыбкой на лице. В улыбку вцепитесь намертво, не позволяйте ей сползти с лица, что бы вы ни увидели, – помявшись, он добавил: – Если выдадите себя, вас скорее всего убьют.

Дождь уже струйками скатывался с гладкого чернокожего лица молодого человека, и тут Пирсон наконец-то узрел то, что мог заметить с самого начала, если б не шок: этот негр в ужасе, он сильно рискует, оберегая Пирсона от западни, в которую тот мог так легко угодить.

– Я не могу оставаться под дождем, – продолжил Ринеманн. – Это опасно.

– Хорошо. – Пирсон удивился, услышав свой ровный голос. – Пойдемте работать.

На лице Ринеманна отразилось облегчение.

– Молодец. И что бы вы сегодня ни увидели, *не выказывайте удивления*. Вы меня поняли?

– Да, – ответил Пирсон, хотя он ничего не понимал.

– Вы сможете уйти пораньше, часа в три?

Пирсон задумался, потом кивнул.

– Да. Думаю, что смогу.

– Хорошо. Встретимся на углу Молочной улицы.

– Договорились.

– Вы отлично держитесь, – похвалил его Ринеманн. – Все у вас будет в порядке. Увидимся в три.

Он толкнул вращающуюся дверь, последовал за ней. Пирсон вошел в следующий сегмент, с таким ощущением, что рассудок его остался на площади... за исключением одной его части, которая жаждала еще одной сигареты.

День тянулся, как резина, но все в принципе шло нормально. Пока он не вернулся после ленча (и двух выкуренных сигарет) с Тимом Фландерсом. Они вышли из лифта на третьем этаже, и первым делом Пирсон увидел еще одного бэтмена, вернее, бэтменшу, в тужельках из черной кожи, черных колготках и сшитом по фигуре твидовом костюме, как предположил Пирсон, от Сэмюэля Блу. Идеальный наряд деловой женщины... да только голова над костюмом не имела ничего общего с человеческой.

– Привет, господа, – мелодичный голос донесся из глубин дыры, которая заменяла существу рот.

Это же Сюзанн Холдинг, подумал Пирсон. *Такого просто быть не может, но это она.*

– Привет, Сюзи, дорогая, – услышал он свой голос и подумал: *Если она подойдет ближе... если коснется меня... Я закричу. Я ничего не смогу с собой поделать, что бы ни говорил мне Ринеманн.*

– С тобой все в порядке, Бренд? Что-то ты бледный.

– Наверное, простуда, которая достает сейчас всех. – Он дивился естественности своего голоса. – Я думаю, что беру над ней верх.

– Это хорошо, – контральто Сюзанн Холдинг никак не вязалось с ее мышеподобной мордой. – Значит, пока ты не поправишься, никаких французских поцелуев. Даже не вздумай дыхнуть на меня. Я сейчас болеть не могу. В среду приезжают японцы.

Никаких проблем, дорогая, абсолютно никаких проблем, можешь мне поверить. Не дышать – так не дышать. Проживем и без поцелуев.

– Я постараюсь сдержаться.

– Спасибо. Тим, тебя не затруднит зайти ко мне в кабинет и взглянуть на финансовые сводки?

Тимми Фландерс обнял рукой талию сексуально-строгого костюма от Сэмюэля Блу и прямо на глазах Пирсона наклонился и чмокнул волосатую, бугристую морду. *Тимми-то видит гладкую щечку*, подумал Пирсон и почувствовал, что у него едет крыша. *Гладкую, надушенную щечку – вот что он видит, именно так, и пребывает в полной уверенности, что ее-то он и целует. Боже мой. Боже!*

– Вот так, – воскликнул Тимми, галантно поклонился бэтменше. – Один поцелуй, и я – ваш покорный слуга, милостивая леди!

Он подмигнул Пирсону и увлек чудище к ее кабинету. А когда они проходили мимо фонтанчика питьевой воды, убрал руку с талии. Короткий и ничего не значащий ритуал, возникший за последние десять лет в тех местах, где боссом была женщина, а ее замом – мужчина, завершился, теперь они вновь стали коллегами, лишенными пола, и разговаривали только о сухих цифрах.

Блестящий анализ, Бренд, похвалил себя Пирсон, отворачиваясь от них. *Тебе следовало податься в социологи.*

А ведь мог податься. В колледже его вторым предметом, после банковского дела, была социология.

Входя в кабинет, он вдруг осознал, что все его тело покрывает тонкая пленка пота. Пирсон сразу забыл о социологии, сосредоточившись на том, как бы дотянуть до трех часов.

В два сорок пять он зажал волю в кулак и сунулся в кабинет Сюзанн Холдинг. Головой-астероидом она наклонилась к компьютеру, но повернулась, стоило ему сказать: «Тук-тук». Волосатый покров на ее лице-морде непрерывно шевелился, черные глазки разглядывали его с холодным любопытством акулы, изучающей ногу пловца.

– Я отдал Баззу Картейру четвертую форму по корпоративным займам. Девятую форму по индивидуальным ссудам, если не возражаешь, я возьму домой. Дискеты останутся у меня на столе.

– То есть ты хочешь сказать, что отправляешься в самоволку? – Черные вены вздулись на ее лысом черепе, бугорки на морде подрагивали, и Пирсон увидел, что из одного из них выдавливается густая розовая субстанция, похожая на окрашенный кровью крем для бритья.

Он заставил себя улыбнуться.

– Ты меня поймала.

– Ладно, оргию, назначенную на четыре часа, придется провести без тебя.

– Спасибо, Сюз. – Он повернулся.

– Бренд?

Он вновь посмотрел на нее, страх и отвращение слились в яркую вспышку паники, теперь-то он не сомневался, что черные глазки видят его насквозь, и существо, маскирующееся под Сюзанн Холдинг, сейчас скажет ему: *Хватит нам играть в эти детские игры. Войди и закрой за собой дверь. И мы посмотрим, каков ты на вкус.*

Ринеманн подождет-подождет и отправится по своим делам. *Возможно*, подумал Пирсон, *он и поймет, что произошло. Возможно, все это он уже видел.*

– Да? – спросил он, пытаясь изобразить улыбку.

Она молча смотрела на него, долгим оценивающим взглядом, чудовищная голова над женским телом, затянутым в сексуальный деловой костюм.

– Во второй половине дня ты выглядишь получше. – Черные глазки, такие же, как у забытой под кроватью куклы, не отрывались от него, пасть оставалась открытой, но Пирсон не сомневался в том, что все остальные видели Сюзанн Холдинг, улыбающуюся одному из своих подчиненных и всем своим видом выказывающую озабоченность его здоровьем. Не материнскую, конечно, но озабоченность.

– Это точно, – тут он решил подлить энтузиазма. – Простуду как рукой сняло.

– Ну что ж, теперь нам осталось только отучить тебя курить.

– Я постараюсь. – Он выдавил из себя смешок. Из бугра на морде вновь поперла розовая субстанция. *Отпусти меня*, подумал он. *Отпусти меня, уродина, дай мне уйти до того, как я начну визжать, словно резаный.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.